

САТЯПАЛ АНАНД И ЕГО РАССКАЗ «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИСКИ»

© 2018 Л. ВАСИЛЬЕВА

Статья знакомит читателя с известным индийским писателем Сатьяпалом Анандом, живущим в эмиграции в США. Он пишет на нескольких языках, но именно произведения на языке урду принесли ему популярность. Многочисленные рассказы писателя посвящены его бывшим соотечественникам-эмигрантам, их жизни на новой родине и проблемам их адаптации к чужой социокультурной среде. В статье рассматривается один из рассказов, в котором писатель затрагивает некоторые из этих проблем.

Ключевые слова: Сатьяпал Ананд, эмиграция, рассказ, индо-пакистанская диаспора, инокультурный социум, проблемы адаптации

SATYA PAL ANAND AND HIS SHORT STORY "ISKI'S BIRTHDAY"

Ludmila A. VASILYEVA, PhD (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (ludvas55@bk.ru)

The article introduces Satyapal Anand, a renowned Indian writer and an immigrant in the USA. He writes in a few languages but it is the works in Urdu that make him popular. Many of his short stories are glimpses of the life of his former compatriots who are trying to adapt to a new socio-cultural environment in the USA. The article analyses a short story by S. P. Anand centering on some major problems of the immigrants' life in an alien society.

Keywords: Satyapal Anand, emigration, short story, Indo-Pakistani diaspora, alien socio-cultural environment, problems of adaptation

Сатьяпал Ананд - имя, хорошо известное в литературном мире урду. Писатель, проживающий в США, одинаково владеет урду, английским, хинди и панджаби и пишет на всех четырех языках, предпочитая, однако, урду. Произведения именно на этом языке принесли ему широкую популярность.

С.Ананд родился в 1931 г. в небольшом панджабском городке Кот Саранг, который после раздела Индии оказался на территории Пакистана. Семья Ананда переехала в Индию. Первую докторскую диссертацию по литературе он защитил в Панджабском университете в Чандигархе, вторую по философии - в техасском университете Тринити.

Начав публиковаться с 1953 г., писатель не раз становился лауреатом различных литературных премий. В 1957 г. правительство Панджаба наложило арест на повесть молодого прозаика «Часы на площади», усмотрев в ней чрезмерную лояльность по отношению к Пакистану (к тому же, повесть писателя-индуса была написана на языке урду!). Через некоторое время из-за несогласия с индийскими властями и их политикой С.Ананд уехал в Пакистан. Однако через какое-то время снова вернулся в Индию, но опять - ненадолго. Покинув Южноазиатский субконтинент, он окончательно поселился в США.

С.Ананд приглашался в университеты многих стран в качестве профессора и лектора. Будучи уже в весьма преклонном возрасте, он продолжает

вести активную жизнь, принимает участие в международных литературных форумах и по-прежнему много пишет, причем, научные работы - на английском, а стихи и художественную прозу - в основном, на урду.

Произведения Ананда наполнены атмосферой гуманности и толерантности, ощущением этнического единства бывших соотечественников, независимо от их общественного положения и религиозной принадлежности. Историческая, культурная и духовная общность, более глубокая, чем конфессиональная, становится объединительной идеей всей индо-пакистанской диаспоры. В художественном творчестве писатель верен своим идеалам индо-мусульманского братства, за которые он неоднократно подвергался порицанию со стороны как индийских, так и пакистанских властей.

Большинство рассказов С.Ананда - короткие зарисовки жизни индо-пакистанской диаспоры в Америке. Персонажи его произведений - выходцы из Пакистана и Индии, покинувшие родные края в поисках лучшей жизни. Все они очень разнятся по социальному статусу и уровню образования, по своему характеру и степени адаптации в стране чужой культуры. Ананд пережил не одну эмиграцию, и чувства переселенца знакомы ему, как никому другому. Особый интерес у автора вызывают динамика и факторы сохранения или изменения идентичности эмигранта, оторвавшегося от

основного этнического массива. Отсюда особый интерес писателя к анализу психологии своих персонажей, проявлениям их индивидуальности в различных ситуациях. При всем своем различии персонажи рассказов С.Ананда схожи в одном - все они в той или иной мере, явно или тайно, испытывают щемящее чувство утраты родины.

В небольшом рассказе «День рождения Иски» С.Ананд затрагивает целый ряд вопросов, проливающих свет на сложности адаптации человека в условиях чуждого культурного социума. В двух персонажах - образованном индийце и пакистанце без образования и профессии - автор обобщает судьбы сотен тысяч индо-пакистанских эмигрантов в Америке, разделенных на легальных и нелегальных, на благополучных, нашедших свою «нишу» в новом обществе, и неудачников, погнавшихся за химерой счастья в чужие края и там потерявших себя.

В рассказе высвечиваются различные аспекты одной из главных и постоянных тем писателя - темы оставленной родины. Главный персонаж рассказа, от имени которого ведется повествование, - профессор английского языка, преподаватель Американского университета в Вашингтоне. Он - «многократный» эмигрант: родился на территории нынешнего Пакистана, бежал с семьей от индусских погромов в Индию, а затем переехал в Америку. Второй персонаж - полуграмотный пакистанец Мухаммад Дин, оказавшийся в Америке в поисках заработка.

Рассказ наглядно показывает, как по-разному адаптируются в западном обществе оба персонажа. Оба испытывают состояние когнитивного диссонанса, хорошо знакомого всем эмигрантам. Некая раздвоенность проявляется в личности профессора, казалось бы, полностью «растворившегося» в американском социуме. А малограмотный парень из пакистанской провинции постоянно пребывает в состоянии растерянности и неуверенности в обществе, которое ему совершенно непонятно и чуждо.

Профессора подсознательно тянет ко всему, что связано с его родной землей. То его обуревают желания услышать родную речь, и он спешит пообщаться с простыми рабочими-эмигрантами из Пакистанского Панджаба, то он стремится морально поддержать Мухаммада Дина, несмотря на его «аморальное поведение» - только потому, что тот его земляк. И все же профессор даже не помышляет о возвращении на родину: ему дорог комфорт благоустроенной жизни в Вашингтоне. А бедолага Мухаммад Дин, которому посчастливилось найти неплохую постоянную работу, все же не может вписаться в чужеродную Америку и живет мечтами о возвращении домой, в Пакистан.

Писатель смог отразить в характере профессора проблемы и парадоксы отношений Востока и Запада. Восприняв все «правила игры» западного общества, профессор в глубине души во многом остается индийцем. В новом мире традиционная мораль его родины теряет свою значимость: про-

фессор хорошо осведомлен о семейном положении Мухаммада Дина, но его отношения с молодой американкой Деби представляются профессору нормой. Однако, противореча самому себе, он в душе осуждает своего знакомого и глубоко сочувствует его жене и детям, оставленным на родине.

С.Ананд затрагивает и проблему бездетности, всегда болезненную для стран Востока и теперь вставшую со всей остротой на современном Западе. Однако столь «простое» ее решение, к которому прибегла в рассказе Ананда американка Деби, вряд ли мыслимо для индианки или пакистанки. Хотя писатель внешне нейтрально относится к связи Деби и Мухаммада Дина, но между строк читается неодобрительное отношение к женщине, «связавшейся с пакистанцем».

Для Мухаммада Дина, ставшего отцом в результате временной связи с американкой, важны лишь его собственные чувства к «красивому, светленькому» сыну. Он даже не задумывается о том, как отнеслась бы жена к его любовному походу «с последствиями»: мужчине позволено все. Он считает свой долг семьянина выполненным, поскольку от случая к случаю посылает домой деньги. В поведении Мухаммада Дина и его американской подружки отчетливо виден контраст между вседозволенностью для мужчины и западной женщины и бесправным и зависимым положением восточной женщины в семье и за ее пределами. Так в подтексте рассказа высвечивается одна из сторон гендерной проблематики.

На примере судеб двух своих персонажей С.Ананд, обозначив проблему расслоения диаспоры, касается новой для себя темы. Писатель наглядно показывает, как социальное положение и уровень образованности влияют на способность к адаптации человека в инокультурной среде. Профессор ощущает себя вполне «западным» человеком и нередко демонстрирует свою «демократичность»: будучи именитым профессором, он завязывает дружбу с простыми рабочими, запанибратски беседует с неграмотным парнем и даже приглашает его пойти выпить пива. Тем не менее, он сознает дистанцию, отделяющую его от этих людей. Так, он нарочито покровительствует Мухаммаду Дину, а по поводу своих друзей-рабочих замечает: «Им льстило общение со мной». Отношения, которые профессор выстраивает в Вашингтоне, вряд ли были бы допустимы в Пакистане или Индии, где сохраняется субординация между представителями различных социальных слоев или людьми разного возраста. Дин Мухаммад и в Америке остро ощущает свое неравенство с профессором и не скрывает этого. Выразительно его восклицание, обращенное к профессору: «Кто вы - и кто я!». Западную манеру поведения Мухаммад Дин усвоил частично, лишь в области любовных отношений, но и здесь он в проигрыше и даже не понял причину, по которой его оставила американская возлюбленная.

В рассказе всплывает еще одна болезненная для индо-пакистанских писателей тема - незаживающая рана раздела страны в 1947 г. Автор лишь

мимоходом говорит о своей мечте посетить места его детства - они остались за границей Индии - и об отказах пакистанских властей выдать визы гражданам Индии. Но для любого жителя Индо-пакистанского субконтинента за этим беглым упоминанием - незабываемая трагедия многих миллионов семей, вынужденно покинувших родной кров, потерявших друзей и близких.

САТЯПАЛ АНАНД (США)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИСКИ*

РАССКАЗ

Он стоял, озираясь по сторонам, растерянный и какой-то испуганный. Его глаза казались пустыми, бледное, вытянутое лицо напоминало лист бумаги без единой буквы, однако в уголках его сухих губ дрожало подобие слабой улыбки, что делало его по-прежнему вид еще более странным.

Мой взгляд выхватил его из бесконечной вереницы туристов - черных и белых, китайцев и индийцев. Его лицо показалось мне очень знакомым. Правда, я не сразу сообразил, кто это, но лишь наши глаза встретились, и с губ его слетело: «Господин профессор, вы?!» - я тотчас узнал его.

Звали его Мухаммад Дин. Он, как и многие пакистанцы, приехал сюда нелегально, нанявшись младшим матросом на какое-то небольшое грузовое судно, направлявшееся из Карачи в США. По прибытии в порт Балтимор он попросил у капитана увольнительную на один день. Сойдя на берег, сразу отправился на вокзал и первым же поездом уехал в Вашингтон.

В семидесятые - восьмидесятые годы раствориться в пестрой американской толпе для любого приезжего было делом нехитрым. В те годы потоки молодых людей, многие из которых не могли даже объясниться по-английски, устремились на заработки в Штаты.

Почти все они знали, куда и к кому следует обратиться: у каждого в кармане была бумажка с заветным адресом.

У Мухаммада Дина тоже был кто-то из знакомых в Вашингтоне. Ему сразу помогли устроиться: поселили в комнату, где, кроме него, жили пятеро постояльцев - такие же пакистанцы. Он быстро подружился со своими соседями и вскоре настолько освоился на новом месте, что, казалось, будто провел здесь не один год. Зарабатывал как все, кто не имел образования и специальности: мыл в гаражах машины и посуду в ресторанах, подстригал газоны, убирал улицы, а иногда даже подрабатывал поваром в маленьких забегаловках. Получая гроши, он умудрялся не только жить на эти деньги, но и немного от-

На примере одного небольшого рассказа писателя-эмигранта можно видеть, как даже в самом безыскусном сюжете традиционные для литературы урду мотивы исхода и разлуки с родиной переплетаются с темами, навеянными современной эпохой и процессом приобщения эмигранта к новой социокультурной среде.

кладывать, чтобы по возможности отсылать небольшие суммы домой, в Пакистан. Он был доволен: на родине-то ему приходилось прозябать без работы и без всякой надежды ее найти.

Познакомился я с Мухаммадом Дином случайно, у тех самых пакистанцев, с которыми он делил комнату. Я давно поддерживал с ними дружеские отношения. Дело в том, что порой на меня накатывало страстное желание услышать родную речь, поговорить на родном языке. Оно было сродни жажде заядлого курильщика глубоко затянуться после долгого воздержания от курения.

В такие минуты я спешил к своим доброжелательным друзьям - пакистанцам. Кто-то из них работал по ночам, а днем, обычно, находился дома. Каждый раз меня встречали очень радушно. Им явно льстило, что индийский профессор, который преподает в Американском университете английский язык, не гнушается их обществом, приходит к ним в гости, пьет с ними пиво и играет в карты, а когда нужно, помогает заполнить ту или иную иммигрантскую анкету или написать какое-нибудь прошение. Когда я зашел к ним в очередной раз, среди них уже появился Мухаммад Дин.

Через полгода я узнал, что Мухаммаду Дину улыбнулось счастье: он смог устроиться на постоянную работу в небольшое кафе, где был регулярный заработок. Это означало, что он более или менее овладел английским языком. Как-то я зашел в это кафе, и Мухаммад Дин познакомил меня со своим хозяином. Тот был доволен новым работником и хорошо о нем отзывался. Я искренне порадовался за Мухаммада Дина.

И вот теперь, четыре года спустя, я увидел его, стоящего в длинной очереди туристов. Всех их привело сюда желание подняться на самый верх монумента Джорджа Вашингтона, до постройки Эйфелевой башни он считался самым высоким сооружением на Земле. Со смотровой площадки гигантского монумента в центре широкой, усаженной деревьями Национальной аллеи можно было с высоты птичьего

* Перевод по: Сатяпал Ананд. *Иски ки салгирах* (День рождения Иски) // *Чахачр су*, ежемесячный литературный журнал. Лахор. Т. 20, совмещенный номер май-июнь 2011, с. 41-43, 49.

полета любоваться множеством самых известных достопримечательностей американской столицы.

«Интересно, что ему понадобилось здесь? Наверное, он уже не раз поднимался наверх!» Я подошел к Мухаммаду Дину и тоже стал двигаться вместе с ним, только чуть поодаль, чтобы в очереди не подумали, будто я намерен пристроиться к своему знакомому.

Мухаммад Дин молча смотрел на меня. Чтобы начать разговор, я спросил его о родных. Он почему-то смутился, его слабая улыбка совсем угасла. «Не знаю, - наконец промямлил он. - Уже полгода, как нет писем...»

Он огляделся по сторонам, потом стал следить за большими птицами на зеленой траве аллеи, расклевывавшими остатки бургеров, огрызки жареных початков кукурузы, кусочки еще какой-то пищи - следы пребывания туристов.

Мухаммад Дин снова перевел на меня потухший взгляд.

- У тебя что-то не так, дружище? - спросил я, стараясь придать голосу максимальное участие. - Почему такая постная физиономия?

Он промолчал, разглядывая теперь продавца воздушных шаров. Потом спросил меня:

- Вы часто бываете в Индии?

- За последние четыре года летал туда только дважды. Я же привязан к занятиям в университете. Очень хотелось бы побывать и в Пакистане, взглянуть на дом, в котором родился. Много раз обращался за визой, но пакистанское посольство каждый раз отказывало...

Теперь и мне стало как-то очень тоскливо.

- Если ты помнишь, я ведь родом из деревни в округе Чаквал, раньше он был районом твоего родного Джелама. От него до моей деревни рукой подать! В детстве меня каждый год отправляли в Джелам к деду на летние каникулы. Мама-то моя родом оттуда...

Я вспомнил, как некогда обрадовался знакомству с Мухаммадом Дином: волею судеб он оказался не только моим земляком, но и младшим братом Камала Бхатти, моего закадычного друга детства. В Джеламе я все дни проводил с Камалом. Мухаммаду Дину, самому младшему в их семье, тогда едва исполнился год. Мы с Камалом были ровесниками и уже учились в школе. Когда нам исполнилось шестнадцать, нашу страну разделили, и мы расстались. Повидимому, навсегда...

Стряхнув воспоминания, я похлопал Мухаммада Дина по плечу и снова спросил:

- Мухаммад Дин, так в чем же дело? Почему такой грустный?

Он опять помолчал, а потом вдруг выдохнул:

- Она ушла!

- Кто? - спросил я и сразу устыдился неуместному вопросу. Ведь мне было хорошо известно - и Мухаммад Дин знал об этом, - что, когда четыре года назад он снял себе в том же доме отдельную комнату, к нему пришла жить белая девица. Я даже помнил: ее звали Дебра.

Заглаживая свою оплошность, я повторил:

- Кто ушел - Дебра?

- Да, Деби. Вернулась к своему бойфренду...

Я почувствовал, что он глубоко ранен. Надо было как-то поддержать беднягу. В университете я совмещал должности преподавателя и студенческого адвайзера, поэтому помогать молодежи решать личные проблемы было для меня делом обычным, с чем я всегда неплохо справлялся. По своему опыту я знал, что сейчас Мухаммаду Дину необходимо выплеснуть свою боль наружу, облегчить душу.

Нужно было вызвать его на откровенность.

- Помню, Дебра была неплохой девушкой, - начал я, - и ведь как любила тебя!.. Кстати, а что стало... Я имею в виду... Ведь Деби...

...Когда мы с женой купили новый дом рядом с Американским университетом и уже собрались переезжать, я пошел к своим пакистанским друзьям попрощаться. По дороге я увидел Мухаммада Дина с Деброй. Парочка шла, взявшись за руки, о чем-то оживленно болтая. Меня они не замечали. Я обратил внимание, что фигура Дебры заметно округлилась, она явно ожидала ребенка. Я был поражен, поскольку знал, что в Пакистане у Мухаммада Дина осталась жена с двумя маленькими детьми. Они жили вместе с его родителями в Джеламе и со дня на день ожидали его возвращения.

Мухаммад Дин не собирался жениться на Дебре. Они просто жили вместе, как тысячи других молодых пар. Для меня было загадкой, зачем Дебре понадобился ребенок от Мухаммада Дина, если она не собиралась с ним оставаться?..

Впрочем, если ей, образованной американке, не зазорно жить с полуграмотным пакистанцем, то какое мне дело до их отношений? И я, мысленно пожелав им счастья, обратился к своим заботам...

Мухаммад Дин молчал, но я чувствовал, что в его душе назревает буря. Наконец, он заговорил, голос его дрожал от волнения.

- Сегодня Алексу исполняется три годика... Я обещал, что в день рождения покажу ему башню Вашингтона, обещал подняться с ним на самый верх... Он был так рад! Я обещал ему, понимаете, обещал!

- Так его зовут Алекс?

- Вообще-то, он - Александр, по-нашему Искандер. Мать называет его Алекс, а я - Иски. Красивое имя, правда, господин профессор?

- Да, - согласился я, - хорошее имя!.. Значит, у твоего малыша сегодня день рождения? Так что же мы здесь делаем? Пойдем куда-нибудь, отметим праздник!

Я вытащил его из очереди, и мы отошли в сторону. Он слабо сопротивлялся:

- Нет, я никак не могу уйти отсюда. Ведь я обещал Иски, что мы поднимемся на башню... Может быть, Деби все же придет с ним сюда... Она же знает, где я сегодня буду их ожидать... Я здесь с семи утра! Встану в очередь, подойду к лифту - и снова возвращаюсь в хвост...

Голос несчастного отца начал прерываться:

- Господин профессор, вы не представляете, как сильно я его люблю! Видели бы вы, какой он красивый, светленький, какой умный! Весь в мать!.. Знаете, он немного начал говорить и на панджаби, я научил его несколькими словами!

Чтобы разрядить обстановку, я попробовал пошутить:

- Надеюсь, ты научил его только хорошим словам?

Мухаммад Дин шутки не понял и испуганно воскликнул:

- О Аллах! Что это вы такое говорите, господин профессор! Как же я могу учить его плохим словам?! ...Если бы вы слышали, как чисто он говорит по-английски, совсем как американец! - Лицо Мухаммада Дина ожило, глаза засветились. - И знаете, господин профессор, ведь я его никогда не обманываю! Я все-все рассказал ему: что у него есть бабушка и старшие брат с сестрой. Рассказал про наш дом, про Джелам и его улицы...

- И про грязные сточные канавы вдоль этих улиц, - подхватил я с иронией.

Но он опять все воспринял серьезно и с неожиданной горячностью возразил:

- Какие сточные канавы? Фу! Где вы теперь найдете сточную канаву в городе?! Они были раньше, до сорок седьмого. А теперь не найдете ни одной во всем городе! Все кругом заасфальтировали, много деревьев посадили. Приезжайте, сами увидите!

- Приехал бы, да твои соотечественники визу не дают, - ответил я, и тяжелый вздох вырвался из моей груди. - Да уж, брат, отношения наших стран, скорее, плохие, чем хорошие!.. Когда они наладятся, одному Богу известно... Увижу ли я снова свою деревню, смогу ли сказать родной земле «Салам!»?

- Вот-вот, судите сами, господин профессор, - подхватил он, - в нашем районе собралось человек шестьдесят из Пакистана и Индии. А ведь белые понятия не имеют, кто из нас - кто? Всех подряд призывали называть «паками», какая им разница! Помните хозяина кафе, в котором я работал? Он был уверен, что я - ваш младший брат! - он горько хохотнул. - Кто вы - и кто я!

Я смутился:

- Что ты, Мухаммад Дин, разве ты мне не младший брат?

Но он словно не слышал моих слов и опять начал озираться вокруг, все еще надеясь увидеть Дебру с сынишкой.

Я-то уже понял, что Дебра никогда сюда не придет. Она, по всей вероятности, о Мухаммаде Дине и думать-то забыла! Мне стало жалко его. Очень захотелось помочь ему пережить личную драму, как-то ободрить его.

- Так, говоришь, ему уже три года?

- Да, сегодня Иски уже три!.. Но вот Деби решительно против обрезания. Говорит, что ее сын ничем не будет отличаться от настоящего американца. «Ее сын!» А меня будто бы нет и не было!.. Хотя... по закону-то он, верно, и впрямь только ее сын. В метрике Искинди нет даже графы для имени отца...

Его глаза заволокло слезами. Было ясно, что этот ребенок ему бесконечно дорог. «А как же те, в Пакистане, которые такие же родные?» - промелькнуло у меня в мозгу.

Мухаммад Дин, готовый разрыдаться, бормотал:

- Сынок мой, мой любимый!.. Мне без тебя не жить...

- Нет, братец ты мой, жить-то тебе придется! Хотя бы ради Иски. Когда он вырастет, и ему нужно будет получать паспорт, возможно, он захочет остаться

ся не с матерью и отчимом, а с родным отцом. Закон будет на его стороне, - мой голос звучал довольно убедительно.

Мухаммад Дин встрепнулся:

- Вы так думаете? Но... в его метрике, по которой он будет получать паспорт, нет моего имени... И потом, я ведь до сих пор живу нелегально, мне удалось получить только регистрационный номер в службе соцобеспечения.

- Да какая разница! Все будет зависеть только от Иски, - уверенно пояснил я. - Кстати, а кто он, этот ее бойфренд?

Мухаммад Дин опять насупился:

- Вальтер - он, американец! Она сказала, что очень его любит... И еще сказала, что он никогда не сможет стать отцом. - И с презрением хмыкнул: - То же мне, «мужчина»!

Помолчав немного, он с грустью продолжал:

- Сама Деби очень хотела иметь ребенка... Сказала, что когда в первый раз меня увидела, я ей очень понравился, вот она и переехала ко мне... Вальтер знал обо всем. Когда она пришла ко мне, он укатил куда-то на заработки. Все четыре года, пока его не было, нам было так хорошо вместе! А вот недавно этот тип опять объявился, так она сразу побежала к нему. «Мы, - говорит, - любим друг друга, и теперь у нас есть сын!»

- Представляете?! «У них есть сын!» Как вам это?!.. Честно говоря, господин профессор, я так ничего и не понял... Ведь она меня любила! И потом, как бы она без меня родила Иски?.. Господи, как же я по нему скучаю!

Его словно прорвало, и он залился слезами. Прохожие начали на нас оглядываться, я почувствовал себя неловко и строго сказал:

- Подумай хорошенько, Мухаммад Дин! Искандер всегда был и останется твоим сыном. Но в доме Вальтера он получит должное воспитание, хорошее образование. Ничего этого ты ему дать не сможешь. Когда он станет взрослее, в нем заговорит кровь, и он потянется к родному отцу.

На этот раз мои увещевания, кажется, возымели действие. Рыдания его прекратились, в порыве чувств он схватил мою руку и прижал к себе:

- Господин профессор, дорогой, как же мне раньше не приходило такое в голову?! Вы правы, совершенно правы! У меня только четыре класса начальной школы, что я могу дать Иски?! Ведь мне даже не прокормить себя и их обоих. О Аллах, какой же я дурак!.. Не встретить вас сегодня, простоял бы здесь допоздна, не дождавшись их, наверное, утопился бы в Потомаке. А сейчас вы мне все так правильно объяснили. Теперь я буду ждать, когда Иски вырастет!..

- Господин профессор, пожалуйста, пойдемте в один индийский ресторанчик, здесь недалеко. Там готовят отличные кебабы. Закажем пиво и отпразднуем день рождения моего Иски!

Я смотрел на этого наивного простака: он был почти счастлив, погружившись в грезы о светлом будущем...

Как хорошо, что я заметил его в толпе туристов!

*Перевод с урду к.ф.н.
Л. ВАСИЛЬЕВОЙ*